

Поэтическая «прелесть смысла»

[Алексей Горшенин](#), [Сибирские огни](#), №1 • 27.01.2013

Более тридцати лет тому назад Сергей Донбай писал:

**И когда у врагов не останется злости,
И когда свою нежность друзья истребят,
Я пойму, что во мне отражаются звезды
И что птицы на мне, не пугаясь, сидят...**

Сегодня я воспринимаю это коротенькое стихотворение своего рода эпитафией к творческой судьбе самого Донбая. И, наверное, не случайно написано оно было в конце семидесятых, поскольку тогда, полагаю, и пришло к Сергею Лаврентьевичу окончательное осознание собственной поэтической сущности, коему к тому времени уже предшествовал весьма нелегкий жизненный путь длиной в четверть века.

Родился Сергей Донбай 22 сентября 1942 года в Кемерове. А военно-послевоенное детство его прошло в Соцгороде (детище первых советских пятилеток), в окрестностях ныне уже легендарного Конного базара. Оба эти уголка кузбасской столицы, как и само Кемерово, в одноименных стихах Донбая найдут в будущем свое поэтическое отражение.

Стихотворение “Конный базар” являет собой колоритный этюд на тему военного детства с его точными, узнаваемыми деталями вроде “ореха, каленого из мешка” или “замороженных дисков, как будто луны, молока”. Конный стал для поэта своего рода “иконой” той трудной, но счастливой поры, которую он всю жизнь нес в сердце своем и чудотворным теплом которой спасался в самые тяжелые моменты жизни.

Как, впрочем, и Соцгород, центром которого был когда-то Конный базар. В его изображении также зримо и осязаемо передана атмосфера послевоенной поры с ее “особыми”, но и типичными приметами. В их числе и “двухэтажные бараки / Кишат, как джунгли, ребятей”, и “голодуха пальцем тычет, / А то и финкою пырнет”. Но в стихотворении “Соцгород” картина выходит за пределы местечковой локальности и расширяется до горизонтов великой страны и естественным образом обобщается, ибо все это гигантское географическое пространство жило тогда едиными помыслами и заботами, продиктованными общей бедой.

Вместе с тем поэтические воспоминания Донбая о временах своего послевоенного детства окрашены не только сердечной болью, но и светлой ностальгической грустью. В первую очередь потому, что “кончилась война, / Но молоды еще сполна / Отец, и мама, и страна, / И сладки детства времена”.

К детству Сергей Донбай в творчестве своем обратится еще не раз. Эпизоды из той “поры первоначальной”, правда, кому-то могут показаться подчас слишком незначительными для опозитивирования, но сам поэт уверен в обратном: “С разбитыми локтями и коленками / Неповторимо детство никогда...” А уж тем более то, что выпало на долю поколения самого Донбая. Да и значимость любого штриха человеческого бытия нередко зависит от того, как, под каким углом на него взглянуть.

Вот, например, стихотворение “Воспоминание о кинотеатре “Москва””. Вроде бы заурядное провинциальное заведение кинопроката советской эпохи. Но для Донбая оно примечательно, с одной стороны, тем, что, как и для большинства мальчишек и девчонок его поколения, стало таким окном в большой мир, который и постигался-то во многом именно благодаря экрану, а с другой — с него, с кинотеатра этого, по сути, начиналась жизнь и судьба самого поэта:

**Здесь юные мать и отец,
Придя на вечерний сеанс,
Случайно, когда-то, давно, наконец,
Увиделись... к счастью для нас!**

Тема военного детства органично сочетается у Донбая с темой Великой Отечественной войны, образуя единое целое. Надо заметить, что за их освоение Донбай взялся уже в достаточно зрелом поэтическом возрасте: в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов. К этому времени оба тематических пласта были изрядно отработаны, и удачи не попытал здесь, наверное, только ленивый. Тем не менее Донбаю удалось и ракурс свой найти, и незамыленность взора обнаружить, и знаковые образы-символы обозначить. Что достаточно красноречиво подтверждают такие его стихотворения, как “Кадры хроники” или “Военное детство”.

Пересматривая старую кинохронику, запечатлевшую встречу возвращающихся домой фронтовиков, поэт вдруг натывается взглядом на самый сокровенный, самый “говорящий” кадр:

**И на плече у родимой,
Старый — не по годам,
Плачет непобедимый
Мальчик во весь экран...**

И этот “непобедимый мальчик”, преждевременно постаревший, говорит о великой войне куда больше многих красочных описаний.

Не менее символично поэтическое отображение великой трагедии народной в стихотворении “Военное детство”. От детства более поздних поколений оно отличается тем, что в него когда-то вторглась, “вошла — до сих пор видна — как общее наше отечество Отечественная война”. И много лет спустя “глядит сквозь военную прорезь — как целится — детство в нас”. Под этим “прицелом” даже через многие мирные годы, признается поэт, “мы все еще эвакуированные / *Сиротственники* войны” (курсив мой. — А. Г.).

В этом стихотворении останавливает внимание метафорическое сравнение “как общее наше отечество Отечественная война”. В неразделимости этих двух понятий, надо полагать, и следует искать истоки того мощного патриотизма, который помог одолеть лютого врага и который навсегда остался в душе прошедших горнило военных испытаний.

Еще одним трагическим символом “той войны, в которую зарыты / Дни и судьбы Родины моей”, становятся у Сергея Донбая братские могилы. В одноименном стихотворении поэт подчеркивает поистине генетическую связь с теми, кто лежит под стелами и плитами этих захоронений: “Растворяюсь до последней капли, / И уже неразличим я как бы...” А финальные строки стихотворения (“А война все дальше, / Все видней”) помогают понять,

почему о войне и военном детстве поэт Донбай взялся говорить, имея за плечами без малого четыре прожитых десятилетия. Как говорил другой русский стихотворец — “лицом к лицу лица не увидеть”.

Ну, а протаптывать свою тропу на Парнас Сергей Донбай начинал несколько в ином, но тоже вполне традиционном направлении — стремился поэтически пересоздать окружающий мир, пропуская его через собственное мироощущение неофита. Что, в общем-то, было совершенно естественно для молодого человека, еще не обремененного житейским опытом, с нерастраченным эмоциональным запасом (до осмысления военно-послевоенной поры, с которой совпало его детство, ему еще предстояло дорасти и созреть).

Первые пробы пера Донбая относятся к школьным годам, но заниматься стихотворчеством всерьез он стал уже в вузовских стенах.

После школы Сергей Донбай поступил на архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева. Прослеживалась в том некая наследственность, поскольку родился Сергей в семье известных кемеровских архитекторов, а значит, и яблоко от яблони упасть должно было недалеко.

Новосибирск с его насыщенной культурной и литературной атмосферой оказал на творческое развитие Сергея Донбая благоприятное влияние. Здесь в шестидесятые годы проводились многочисленные поэтические встречи, праздники и турниры, работали различные секции и кружки любителей словесности. Рядом с известными мастерами слова уверенно поднималась талантливая молодежь. Особую популярность обрело в ту пору городское литобъединение, созданное при газете “Молодость Сибири”, которым руководил выпускник ленинградского университета поэт и журналист Илья Фояков. Его “лито” стало взлетной полосой для многих впоследствии широко известных в Сибири и за ее пределами стихотворцев — А. Плитченко, Г. Карпунина, В. Крещика, Н. Греховой, Н. Закусиной и др. Ходил туда получать первые поэтические уроки и Сергей Донбай. Благо поучиться у наставника, отличавшегося огромной эрудицией, эстетическим вкусом и глубокими филологическими знаниями, было чему...

Здесь же, в Новосибирске, в областной газете “Советская Сибирь” 12 апреля 1961 года были напечатаны и первые стихи Сергея Донбая. В дальнейшем его поэтические работы появлялись в других периодических изданиях Сибири. В том числе в альманахе “Огни Кузбасса” и журнале “Сибирские огни”. А в 1970 году выйдет в Кемерове первый поэтический сборник Сергея Донбая “Утренняя дорога”.

Его основой, как, впрочем, и следующей книги Донбая “Прелесть смысла” (1977), стали поэтические зарисовки, передающие душевное состояние человека в тот или иной конкретный момент бытия — этакая “лирика настроения”, сотканная из тончайших чувственных оттенков.

Вот стихотворение “Утренняя дорога” В нем — предощущение утра, когда досыпаются последние минуты и “отлетают сны, как журавли, / Шеями покачивая медленно”. И образ утра в разных его вариациях у Донбая возникает не однажды. Так, по-своему красочен и оригинален он в “Утренних стихах”. А в “Утреннем снегопаде” проступает через зимний городской пейзаж, запечатленный кистью живописца. Особое видение живописца подчеркивается в этом стихотворении и некоторыми деталями (“Тишина лежит сугробами, / Как верблюды возле стен”). Сам же лирический герой ощущает себя как бы внутри им же созданной картины: “Все как будто нарисовано. / Ты и сам шагнул в этюд”.

А в стихотворении “И качает звезду...” он, напротив, воспаряет в космические выси, ощущая за своей спиной изгиб земного шара, который поднимает его “к полосе заревой”.

Свою первую книгу Сергей Донбай назвал “Утренняя дорога” (по одноименному стихотворению) не случайно. Поэт замечает (“Доброе утро”), что “утренние пешеходы”, которых на земле несть числа, “с утра значительнее и добрее” и без копоты дневных проблем и забот чище, как бы перевозданней.

Одним из любимейших предметов поэзии раннего Донбая становится природа с ее меняющимися состояниями и пейзажами. И представить невозможно, скольких стихотворцев в разные века она вдохновила! А потому невероятно велика здесь всегда вероятность эпигонства, повторения, банальности. Тем не менее Сергею Донбаю, снова и снова обращающемуся к миру природы, удастся избежать этого. Ибо каждый раз находятся у него и свежие краски, и неожиданные ракурсы, и оригинальные образы...

Вот осень. Она у Сергея Донбая разная. В стихотворении “Посидим! Вот звезда упадет...” пока лишь ее предчувствие, но сама она еще впереди, хотя кое-что и намекает на скорый ее приход (“в первый обморок падает лист”). А в стихотворении “Поэт” нежаркий осенний костер живой природы уже входит в душу печальным сонетом.

Впрочем, отнюдь не всегда Донбай запечатлевает осень тонкой акварелью в нежных лирических тонах. В одноименном стихотворении она достаточно грубо и зримо обретает личину алчно-азартных горожан, совершающих жестокий “скифский” набег за дарами природы. От созерцательного авторского благодушия здесь не остается и следа. Вместо него — тревога, боль, возмущение человеческим варварством, столь присущие произведениям экологического толка, направленным на защиту природы.

Но и вне экологических мотивов, в золотой синеве осени Сергей Донбай видит нечто куда более значительное, чем просто время года, о чем и заявляет в стихотворении “Ветка осени — простыла...”:

**И над промыслом живого
Высь безмолвно глубока,
Будто ищущая слово —
Дума, музыка, строка.**

Даже слякотный предзимний городской пейзаж (“Я дождик и снег в две горсти...”) становится у Донбая своеобразным отражением круговорота человеческой жизни в интерьере природного бытия.

Свою изюминку, точную емкую деталь-контрапункт Сергей Донбай умеет найти в буднях любого времени года.

Лето, например, в одноименном стихотворении у него предстает в облике юного очкастого водителя мотороллера, за спиной которого “пылала амазонка, / Колени подставляя быстроте”. В стихотворении “Лето учит издалёка...” читательское внимание останавливает лесная “кровохлебка”, что “жесткой каплей над травой запеклась”, или “слеза древесной чаги”. И невольно возникает ассоциация с художником-умельцем, превращающим подобранные им корневища в шедевры деревянной скульптуры. А предвечернее затишье на исходе сенокосного дня (“Упали травы. Косари ушли...”) наталкивает поэтическое воображение Донбая на поистине вселенский образ: “На веточке у космоса во мгле, / Как яблоко, / Чуть держится земля”.

Признаком наступающей весны может стать у Донбая рожденная мартовской оттепелью “сосулька на ладони”, которая воспринимается поэтом как “первая улыбка о весне”. В другом весеннем пейзаже (“Небосвод облаками намок...”) хрупкая сосулька из предвестника весны трансформируется в монументальную метафору вступившей в свои права полнокровной весны: “Весь в хрустальных сосульках балкон, / Как небесный орган нависал...” Поэт приветствует заполняющее пространство “вещество весны”, но оно в его сознании неотличимо “от любви”.

Уже в начале творческого пути стала обозначаться одна из характерных черт поэзии Сергея Донбая — цикличность, возвращение к одним и тем же темам, предметам. В том не было какой-то логической заданности. Скорее, двигала поэтом некая внутренняя художественная потребность увидеть и ощутить в уже знакомом нечто новое, ранее неопознанное. А вот читая стихотворение “Зимою варит голова...”, приходишь к выводу, что вновь и вновь возвращается Донбай к природе в разные времена года еще и потому, что обнаруживает прямое или косвенное влияние ее состояний на колебания человеческой души:

**Зимою варит голова
Неторопливо, с чувством, с толком.
Но под сугробами трава
Зашевелилась только-только —
Как будто бес в нас оживет!
Уже не молоды мы вроде...
Когда на реках сходит лед,
Зачем с ума мы сходим?..**

В стихотворении “Крикну!...” Донбай идет дальше, делая предположение, что “может быть, мы-то и есть / Слабое эхо природы / С опереженьем на миг...”

С другой стороны, “увидеть землю” со всеми ее обыденными приметам, красками, звуками, запахами, во всех ее пространственных и временных проекциях — не это ли для Донбая одна из важнейших поэтических задач? Потому, наверное, и волнуют его так “и рек весенняя надтреснутость”, и “жуть осенней тишины”. Оттого, видимо, столь важно поэту “и пульс у веточки потрогать”, “и, повстречавшись, словно с другом, / Поцеловаться с родником!” И необходимо — чтобы потом, увидев землю из иллюминатора самолета, “полюбить наш шар земной / Безумной первою любовью”.

Впрочем, сама эта любовь зарождается отнюдь не в заоблачных высотах. Ее истоки, опять же, в “поре первоначальной”. И в стихотворении “Я не о легком выдохе, что зимний...” Сергей Донбай, переиначив известное “все мы родом из детства”, скажет: “Мы путники из детства, из природы”, подчеркнув тем самым важность как багажа детских ощущений, так и близости к природе. Обычная же тропка в лесу (“Моление о лесной тропинке”) становится у Донбая связующей нитью с миром природы, волшебным клубочком, ведущим в ее чертоги.

В большинстве стихов (далеко не только касающихся природы) Сергей Донбай успешно демонстрирует, что предметом его поэзии могут быть любые самые обычные и обыденные вещи и явления. Не погрешив против истины, его и самого окрестить можно “поэтом обыденности”. И не случайно Ст. Куняев в предисловии к сборнику “Посреди России” сказал: “Поистине, Сергей Донбай поэт “от мира сего””. То есть от мира обыденной человеческой жизни.

Только не стоит думать, что жизнь эту можно передать, отобразить легко и просто. Подобно птичке божьей, которая что зрит, то и поет, не задумываясь об увиденном. Как раз нет. Обращать обыденность в поэзию — занятие на самом деле очень трудное, иной раз совершенно неблагоприятное, и далеко не каждому оно дается. Сергею Донбаю это по силам. Не в последнюю очередь, наверное, и по причине, о которой говорит он в стихотворении “Поэт думает и чувствует”. Каждый человек живет в своем, ему присущем ритме. А вот поэт, по мысли Донбая, способен объединять в себе разные ритмы — “поэт / Может быть сразу / И матерью, и ребенком, / И влюбленным дворником”. И в каждой запечатленной им капле нашей обыденной жизни тем или иным образом преломляется бесконечный океан бытия.

Так, скажем, стихотворение “Городской двор” на первый взгляд не более чем колоритная урбанистическая зарисовка, хотя по сути — это срез большого социального пласта. И вокзал в стихотворении “Понять вокзал труднее, чем себя...” — не просто место для ожидания поездов. Донбай воспринимает его как ворота судьбы, через которые уходят люди со своими жизненными тайнами.

Надо сказать, что городские пейзажи и зарисовки стали важной приметой поэтического творчества Сергея Донбая в 70-х — 80-х годах. Некоторые из них, может быть, слишком уж “с натуры”, почти документальны. Как, например, “Стихи о новом жилом районе в городе Кемерово”, “Притомская набережная” — лирическое воспоминание об одном из уютнейших кемеровских уголков, или стихотворение “Кемерово”, похожее на своего рода поэтический путеводитель с подробным описанием достопримечательностей столицы Кузбасса. Но все они полны вольного воздуха, светлого мироощущения, теплоты и любви к родному городу.

А вот в стихотворениях “Архитектор”, “Электросварщик”, “Огонь” Донбай весьма наглядно проиллюстрировал, что он способен опозитизировать также и представителей различных профессий, увидеть поэзию в любом созидательном деле.

Началом же всех начал и символом праведного бытия в поэтическом мире Сергея Донбая становится обыкновенная человеческая рука. Она — “извечное начало урожая и продолжение смычка”. Именно ее поэт благодарит за “труд по совести”.

Иногда же, читая Донбая, просто диву даешься, как подчас нечто, казалось бы, для постороннего взгляда совершенно незначительное вырастает у него до оригинального поэтического символа или философского обобщения. Так, аппетитная мамина глазунья, отложившаяся в детской памяти (“От провинциальной тоски и безумий...”), становится у него своеобразной меткой далекого, но всегда близкого детства. А через неповторимый ностальгический запах классического блюда миллионов советских граждан (“Воспоминание о жареной картошке”), готовящегося на кухне общежития, передан особый аромат полуголодной, но счастливой студенческой юности. В стихотворении же “Блаженствую на пляже. Загораю...” катализатором раздумий о вечном становится и вовсе обычный речной песок. Зачерпнув его пригоршню и “наслаждаясь солнечною ленью”, лирический герой предается философическим размышлениям о связи времен (“Держать в горсти просыпанное время / Других, нам уступивших эту жизнь”).

Однако чаще связь времен и поколений у Донбая происходит не в историко-философском контексте, а в сугубо житейском. Чуть ли не на генетическом породе уровне. Как происходит это в стихотворении “Был наказан...”:

Был наказан. Выплакался. Сплю.

**Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощен, любим, люблю.
Что укрыт шаленкой маминой.**

**Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.
Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит —
Это я же — с одеяльцем в клеточку.**

То, что история диалектически повторяется на новых витках житейской спирали, автор стихотворения с помощью удачно найденного поэтического приема (эпизод с наказанным мальчиком становится связующим поколения звеном) как раз и иллюстрирует.

Преемственная связь может проявиться иной раз самым неожиданным образом. В стихотворении “От дерева или от деда...” она обнаруживается уже на уровне генетической памяти ремесла. Однажды взявшись за рубанок остругивать плаху для будущего стеллажа, лирический герой вдруг почувствовал наследственную тягу к столярному делу.

Восьмидесятые годы прошлого столетия, безусловно, стали плодотворнейшим периодом в поэтической жизни Сергея Донбая. Не обходилось, правда, без стихов проходных, с известной долей поэтической риторики, писавшихся “на злобу дня”, как отклик на то или иной важное в жизни страны событие. К последним можно отнести “На Даманском”, “Земляне”, ряд других стихотворений тех лет. Они, быть может, несколько портят поэтическую физиономию Донбая, но без них он был бы “не полный”. По той хотя бы причине, что и воспоминания детства, и городские пейзажи, и мимолетные бытовые зарисовки, и отклики на события века — все это становилось составными частями поэтической мозаики, в которой Донбай запечатлевал окружающий мир в его движении и развитии. С другой же стороны, как пишет он в стихотворении “Собирались, собирались...”, “во всем есть прелесть смысла”, которую поэт и стремится отыскать как в самом малом, так и в самом грандиозном.

И эту тотальную взаимопроникающую связь Донбай подчеркивал в стихах не однажды. Свое поэтическое выражение нашла она и в стихотворении-отклике “Поездка на БАМ”. Через призму “стройки века” автор увидел лицо современной Сибири, устремленной в будущее. Ну, а поскольку вторая половина XX века была еще и эпохой активного освоения космоса, возникновение в стихе космических ассоциаций кажется закономерным и уместным:

**А взглядом в прошлое прицелиться,
И мысль взойдет из глубины:
Почти столетие пришельцем
Тунгусским мы освещены.
На свет и звук — огонь и голос —
Мысль оглянулась, навсегда,
Сибирь, развернутая в космос, —
Ракета, Родина, Звезда.**

Образ Сибири появляется в творчестве Сергея Донбая не раз. Что также совершенно логично для поэта, родившегося и выросшего в самой ее сердцевине. Поэтическим же символом Сибири становится у Донбая “живой небоскреб” сибирского кедра “на обрыве

крутом”, который “все души лесные в объятия сгреб”. А в стихотворении “Воля” Донбай пишет:

**Я родился, вздохнул, задохнулся и ожил:
Этот воздух, который впервые схватил,
Был густым от страданий и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем отчества был.**

Вместе с начинающейся жизнью вливалась в него “молодая морозная сила Сибири — и снега, и таежные жабры ее”, входила неизбежная любовь к своему краю и вера “в землю родную, как в чистую силу”. И не случайно в “Балладе об уходящем”, размышляя о том, что взял бы он с собой в будущее, поэт в числе самого важного называет “детства ключик в чаще леса” и “отчее плечо Сибири”.

Вместе с тем любовь к малой родине неотделима у Донбая от любви к великой России. Прямые или косвенные подтверждения тому найдем мы во многих его стихах. И тут надо сказать вот о чем. Патриотическая тема в русской советской поэзии одна из самых накатанных. Поэтому, обращаясь к ней, все труднее находить ее оригинальное художественное выражение. Тем не менее Сергею Донбаю свой незаёмный поэтический образ России найти удалось:

**Дверь открой посредине России
И лицом к быстрине прикоснись;
Сколько там мужики искурили —
В тамбурах, размышляя про жизнь.**

**Свежий ветер, простор неоглядный...
Через слезы предстанет страна —
Наши волосы треплет и гладит
На восток и на запад она.**

Как всякий лирический поэт, Сергей Донбай не мог обойти стороной вечную тему отношений мужчины и женщины. Но вот что интересно. В стихотворении “Есть на земле такие женщины” поэт без обиняков заявляет, что ему ближе и милей не те яркие, броские, притягивающие к себе взоры особы, а “женщины, которых при свете дня не видим мы”, зато “с наступлением первой тьмы” и до утра “они так явственно подсвечены, как бы лампадой изнутри”. И при взгляде на них к нему приходит понимание, что ничего нет “священной, непостижимей до конца, чем тайна милого лица”, осиянного “робким свечением, так согревающим нас”.

Внутренним духовным светом пронизана и вся интимная лирика Донбая. Любовное чувство в ней зиждется обычно не на каких-то внешних проявлениях или признательных декларациях, а на вещах интуитивных, подсознательных, позволяющих людям любящим понимать друг друга без лишних слов и признаний, с полувзгляда и полувздоха. О чем свидетельствует, в частности, стихотворение “Я еще не сказал — обернулась ты сразу!..”

Любовь в понимании Донбая — чувство живое, подвижное. Она может накатить, накрыть с головой, но может и схлынуть, с трудом задерживаясь даже в памяти. О том и стихотворение “Мои беды все больше левеют...” Но интересна в нем не сама по себе тема непостоянства и переменчивости — она как раз достаточно банальна, а то, как выражает ее поэт, в каких образах и красках передает истаявающее со временем чувство. А они у Донбая находятся в гармоническом соответствии с предметом разговора. С одной

стороны, “вот и письма твои темнеют, / Словно старое серебро”, а с другой — память продолжает хранить аромат того давнего неповторимого чувства (“так хранит прошлогоднее сено / Запах высушенного дождя”). Мы же, в свою очередь, видим в авторе не только проникновенного тонкого лирика, но и художника-живописца. И не только в данном случае. В стихотворении “Солнце сквозь шторы косится...”, к примеру, любимая женщина на закате дня “медленным, медным последним золотом... залита”. И таких красочных штрихов и мазков в интимной лирике Донбая можно обнаружить немало.

Говоря о любви, Сергей Донбай достаточно четко разграничивает настоящую любовь и влюбленность. В одноименном стихотворении отличительным свойством влюбленности поэт видит то, что “она похожа на бездомность, / Когда у чувства нету слов”, и “нету жеста”. А в результате нет соединения двух половин в единый организм. Как не произошло его у героев стихотворения, не сумевших преодолеть “бездомность влюбленности”. Отсюда и горькое, но справедливое признание: “И я пожизненно жених, / И Вы бессрочная невеста”.

Впрочем, куда чаще случается по-иному — и в стихотворении “Другие” Сергей Донбай об этом напоминает — вроде бы налицо по всем статьям “идеальная пара”, тем не менее жизнь уводит его или ее к другим, “чтобы легко в других потом / Всю жизнь друг другу узнаваться, / Страдая этим волшебством”.

Но и влюбленность не проходит совсем уж бесследно. Расставаясь с нею, “стонет душа”, “сердце болит” и “противится память живая” (“Былая влюбленность прошла...”). Противится и вызывает в лирическом герое “возвращающее в юность” ностальгическое воспоминание о девушке, когда-то уснувшей на его плече в автобусе по дороге в романтическую Сигулду (“Проснись у меня на плече...”). Воспоминание о светлом перевозданном чувстве, которое, возникнув однажды, остается с человеком навсегда.

**И даже за нашим пределом,
Где только осенняя высь,
На склоне моем опустелом
Кукушкиной слезкой проснись.**

Уходящий XX век Сергей Донбай встречал на полувековом переломе своей жизни. К этому времени он уже прочно состоявшийся стихотворец с собственным поэтическим обликом, голосом, интонацией, признанием как в профессиональной, так и читательской среде. Его стихи печатают провинциальные и столичные литературные издания, они переводятся на иностранные языки. Одна за другой выходят поэтические книги “День” (1986), “Смута” (1991), “Проснись у меня на плече” (1992), “Стихотворения” (1996). Все большую известность обретает Донбай не только как поэт, но и литературный деятель. Оставив в 1976 году институт “Кемеровгражданпроект”, где проработал более десятка лет, он всю дальнейшую свою судьбу связывает с журналом “Огни Кузбасса”, в котором занимает сначала должность ответственного секретаря, а затем и главного редактора. А параллельно много лет руководит областным литературным объединением “Притомье”.

Так что вместе с лирическим героем стихотворения “Мне весело живется...” у Донбая еще были основания чувствовать себя счастливым человеком и заявлять, “что в жизни мне везло”. Однако прежняя жизнь уже начинает трещать по швам и, как признается поэт в стихотворении “Продолжает светить”, написанном уже за порогом девяностых, “чего-то уже не хватает”, и “время другое тебя достает, достает”.

А то, что время, начиная с момента так называемой “перестройки” смещалось явно не в лучшую сторону, можно судить по меняющейся тональности поэзии Донбая. Если в стихах советского Донбая много света, вольного воздуха, мажорного ощущения жизни, оптимизма, то за “сменой вех” его поэзия мрачнеет, делается жестче. Стихотворца-лирика все упорней теснит поэт гражданского, социального звучания, пытающийся найти ответ на очень непростой вопрос, что же с нами происходит, и “куда нас движет рок событий”.

Любопытно, что еще в середине семидесятых годов в стихотворении “Спокон веку...” Сергей Донбай писал, видя в том одну из целей своей поэтической работы, следующее:

**И должно случиться это с нами:
Наболит, накопится в груди,
Чтобы нам предсказывать стихами,
Что же там таится впереди.**

Поэтическим Нострадамусом Сергей Донбай, увы, не стал, и что там впереди — не угадал. Да и очень уж трудно было в самый расцвет социализма прозреть его закат.

Крушение великой страны Советов, взрастившей его, поэт Донбай встретил болезненно. И сердцем, и душою он оставался в уходящей эпохе, которая была, при всех ее издержках и суровости, как эпохой родительского, так и его собственного поколения. И, расставаясь с нею, поэт в стихотворении “Прощаясь с друзьями отца” признавался: “В советское время одною ногою живу”. И не отрекался, оставаясь верным и времени этому, и его людям:

**Они со мной, живые и ушедшие.
Друзей не очищают от пороков.
В своем отечестве, в моем отечестве —
Друзей не отличаю от пророков.**

Постперестроечные события нашли в поэзии Сергея Донбая значительный отклик. Жестко, но справедливо он пишет о таком вполне типичном явлении конца двадцатого столетия, как политические перевертыши, которые “уходят в депутаты, как в партию когда-то раньше”, а “в партию вступали, как полицаи шли в войну” (“Они”). Как же случилось, задается горьким вопросом поэт, что первородные ценности бытия с легкостью размениваются теперь на бытовые материальные блага, превращая человека в потребителя (“Кто же нам разменял незаметно”)? Состояние же нынешнего общества, непомерно зараженного враждой, ненавистью, яростью, Донбай сравнивает с палящей атмосферой жестокой летней засухи с ее “сухими грозами, мнимыми дождями” якобы протестных, но по существу обманно-пустых “оппозиционных” движений, в которой целое “поколенье затерялось”. Не в последнюю очередь, наверное, и по причине искаженно воспринятой свободы слова, которая, по большому счету, требует большого мужества и ответственности, о чем и напоминает поэт в стихотворении “Ропот”. После долгого вынужденного молчания “вместе и врозь” наконец разрешили говорить, но вместо настоящего разговора слышен только легковесный крик, который “стал похож на молчанье”, да ропот, суть которого “за прошлым стоит косогором”. С другой стороны, и настоящее, “где столько страданья вокруг собралось”, требует серьезного разговора. Только вот “откуда и как нам теперь почерпнуть, чтоб ропоту стать разговором?”

Не всегда, однако, в своих поэтических откликах на происходящие в стране в конце века перемены Сергею Донбаю удается уходить от политической риторики и рифмованной политизированной публицистики. Видимо, потому при чтении таких, например, его стихов, как “Опять в революцию нас засосало”, “Дамоклов меч”, “Россия — не жена, не

мать!..” или “Ангел-хоронитель”, не покидает стойкое ощущение их диссонанса с поэзией вообще и главной поэтической сутью самого Донбая, в частности. Да он, похоже, если судить по стихотворению “Пиши, “ни дня без строчки”...”, опасность стать автором “очерков, написанных в рифму”, тоже ощущал.

Во многом спасало Сергея Донбая чувство юмора, ирония, доходящая иной раз до сатиры и сарказма. Стихотворения на политическую злобу дня, написанные в таком ключе, выгодно отличаются у него от других стихов той же тематики. Вот как, например, увидел Донбай в своеобразном поэтическом шарже рядового и заурядного “врага народа”, “щепку” и “винтик” социализма, пущенного на репрессивную переплавку:

**И Ленина — не читал,
И Сталина — не читал,
И не страдал от угрызений.
Он в лагерях осуществлял
Немыслимый лесоповал —
Для их собраний сочинений.**

А вот обобщенно-саркастический образ тоталитаризма поэтической кисти Донбая:

**Построение счастья
Строгого режима
В отдельно взятой стране.
Коллективная улыбка на лице.**

С улыбкой размышляя в стихотворении “Тот, кто был непогрешим” о кумирах и толпе, Донбай задается неожиданным, ломающим известный стереотип, вопросом: “Затоптать в себе раба — / Это только половина. / Ну, а если господина / Затоптать в себе судьба?” И делает ироничный вывод: потому, наверное, и “затоптать в себе раба / Не торопится толпа”.

Любопытно и написанное в самом конце горбачевской “перестройки” стихотворение “История”, где Донбай пытается взглянуть на нашу политическую историю через призму любовных отношений в ореоле кровавой революционной романтики. Оно тоже окрашено иронией, но ирония здесь отдает саднящей горечью и вместе с тем делает более контрастной мысль о том, что история общественных отношений нередко суть продолжение истории личных.

Ирония присутствует далеко не только в стихах политической, социальной направленности. Ей отмечены и многие другие поэтические произведения Сергея Донбая, написанные в разные годы. Можно даже сказать, что ирония — одна из приметных черт его творчества и достаточно сильное художественное средство, которым Донбай, как правило, успешно пользуется. В чем нетрудно убедиться на некоторых конкретных примерах.

Поистине классикой кузбасской поэзии стала возникшая более четверти века назад юмористическая зарисовка “Ждал автобуса народ” из обыденной жизни провинциальной глубинки: настолько в ней все зримо, узнаваемо, насколько и типично. Как и в “Воспоминании о Красном уголке”, где поэт с улыбкой рассказывает, как в советское время выступал однажды перед работниками животноводческой фермы в Красном уголке, расположенном прямо в коровнике, в соответствующей помещению атмосфере (“и воздух представлял собой настой / Мочи со стихотворною строкой...”), уже самим фактом

существования этого стиха доказывая, что под пером талантливого человека поэзия не то что из любого сора, а даже из отходов коровьей жизнедеятельности может возникать. Не чуждо доброму юмору стихотворение “Эмансипация”, в котором поэт подшучивает над феминистками, забывшими свое природное предназначение. Ироничен, но уже не столь добродушен во взгляде на столичную суету Донбай в стихотворении “Провинциал, езжай в Москву”! А в “Наивной экологии”, напоминающей читателю о дисгармонии отношений человека и природы, усмешка автора и вовсе печальная. С грустной иронией смотрит Сергей Донбай и на слепую погоню людей разных возрастов за дурной модой. Поэта страшит утеря человеком души в угоду телу, и всего подлинного, вытесняемого различными заменителями. В стихотворении “Эстрадное” он пишет:

**Мы — сверхсовременные
Роботы аэробики!
Душа устарела,
Как бабушкин с дедушкой домик...
Возделаем тело
По голым законам логики...**

Сказано более двух десятилетий назад — а как современно звучит и сегодня!

Ирония у Донбая может принимать разные оттенки, доходить до сатиры и сарказма, но пустым зубоскальством не бывает никогда. Кто-то, скажем, просто посмеется над пустопорожней обидчивостью, а вот Сергей Донбай, верный своей привычке вглядываться в глубину любого проявления человеческой жизни, создает ироническую притчу о затаенной обиде, которую сам человек подчас и выращивает, и холит, словно розу, хотя на поверку она оказывается обыкновенной лозой (“Выращивая обиду, словно розу”). В духе той же иронической притчевости написаны “Если увеличить дерево...”, “Квадратные шары”, “Новая русская сказка”, “Из варяг в греки”... И в каждом тексте своя лукавая, а то и парадоксальная мудрость. Как, скажем, в стихотворении “Русская дорога”, являющем собой этакую пародию на русскую народную песню “Степь да степь кругом...”:

**Дело было в бурю,
И мужик с лошадкой
Потеряли сбрую,
Ум, телегу с шапкой.**

**А потом, а после
В лавке притрактовой
Он коньки отбросил,
А она — подковы.**

.....

**Русская дорога,
То мороз, то жарко.
Мужиков-то много...
А лошадку жалко.**

Драматические коллизии девяностых годов не заслоняли Донбая “дела давно минувших дней”. Наоборот, они активизировали его интерес к отечественной истории, наводили на серьезные размышления и сопоставления “века нынешнего и века минувшего”. Так, в

стихотворении “Любимчики первых ролей...” Сергей Донбай задумывается о том, что главное связывает людей разных времен и что передается по наследству от людей прошлого. Что, в частности, досталось нам от тех, кто составлял “массу”. Ведь она, если присмотреться, вовсе “не в едином порыве”. А учила та “масса”, приходит к выводу поэт, прежде всего тому, чтобы, в отличие от большинства разных наших вождей, не занимались мы шапкозакидательством...

Особая страница творчества Сергея Донбая — духовная поэзия. Но для него она, безусловно, гораздо шире одной только религиозной темы. Это скорей поэтическое ощущение и восприятие некоего светлого животворного храма в душе, укрепляющего и нравственно ориентирующего человека в его существовании.

В 2003 году в Кемерове вышла уникальная книга под названием “Собор стихов”, вобравшая в себя “стихи-свидетельства о пути к Христу, написанные поэтами Кузнецкого края”. В числе авторов и составителей этой книги был и Сергей Донбай. Как признается он в предисловии к сборнику, стихи “для этой книги не писались специально”, а возникали в разное время как своего рода сердечный позыв православного христианина. Когда же возникла необходимость явить их на свет Божий, они нашлись у каждого. (Двумя десятками стихов духовного содержания, обращенных к Богу, представлен в этой книге и Донбай.) И это закономерно, считает он, ибо “при любой политической погоде поэт не может не думать о Боге, о душе, о любви, о природе”. И замечает: “Может быть, это и есть наш путь, не дорога торная и известная, а путь к Храму. За нашими великими стройками, городской теснотой, свалками технического прогресса видны только купола Храма. И мы идем к ним, видя этот воздушный путь, спотыкаясь, потому что нельзя смотреть под ноги — потеряешь ориентир”:

Там, где ангелом воздух уже поцелованный,

**Озаренный весной, пречистый притих,
За прозрачной железной оградой церковной
Люди строят пять солнц куполов золотых!**

Но не забывает предупредить поэт в стихотворении “Что же осталось от прежних дней...”, что просто построить храм — мало, надо еще и беречь его, не давая ему превращаться “в холм”. И помогает в этом человеку таинственная “сила земного притяжения души”, благодаря которой душа остается с человеком до конца.

Ну а “видимым образом души”, материализованным ее воплощением предстает у Донбая в стихотворении “На воле небесной опушки...” “лучина церквушки”, свет которой способен преодолеть толщу времен, и взирая на которую православному христианину “дышится легче”. И “вечные свечи” русских церквей неугасимо пламенеют по всей огромной России, согревая своим духовным светом.

Но все труднее становится разглядеть его. “Застилает взор огонь и дым” “новой колокольни” бездушного техницизма и прогресса. “И покуда / Что-то не проглянет — / На слезе, на сердце, на золе! — / Будем мы, как инопланетяне, / Проходить по собственной земле”, — заявляет поэт в финале стихотворения “Космодрома каменный погост”, подразумевая под этим “что-то” придавленную спудом темных бесовских сил нашу духовность. Для ее освобождения и становится столь важным возведение храма в собственной душе, благодаря чему она устремляется вверх, к высотам совершенства, хотя нелегко сей путь — путь к Богу. У каждого он свой, но есть и общая — божественная —

закономерность этого движения, которую Донбай отмечает в стихотворении “Как в поэзии слог”:

**Как в поэзии слог
Отзывается слогу,
Так для каждого Бог
Выбирает дорогу.**

**Как по-своему слог
Прибавляется к слогу,
Так по жизни, как мог,
Каждый двигался к Богу...**

Сам же Донбай двигался к Всевышнему, опираясь на посох поэтического слова, которым в меру сил своих отображал Богом данную земную жизнь. Но и Господь, полагаю, не оставался в долгу, помогая поэту не растерять себя в смутные времена, обрести духовную крепость. Потому, наверное, и многие стихи Сергея Донбая заряжены высоковольтной духовной энергией. В сочетании с художественным мастерством они дают подчас удивительный эффект. Как, например, в этом замечательном пейзаже, где слились в гармоническое единство и свет, и звук, и чеканный метафорический образ тоски-печали, и состояние душевного восторга перед открывшейся человеку неброской, но сердечно близкой красотой родной природы:

**Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.**

**И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.**

В поэтическом мире Сергея Донбая Бог и Родина — понятия соподчиненные и родственные (“между нами родство от молитвы и до прекрасной Отчизны”). Но божественная эта связь отнюдь не абстрактна. Напротив, проходя через территорию души и обыденного существования человека, она очень конкретна и личностна:

**...Уж коль вам Родина — от бога,
то знайте вы: из года в год
ведет обычная дорога
на стройку, в поле, на завод.**

С другой же стороны, человек и становится венцом Божественного творения через неустанный созидательный труд, и в том высший смысл его предназначенья:

**Сквозь все невзгоды и ненастья,
как испокон заведено:
в работе ведать смысл и счастье —
такое избранным дано!**

Божественную природу имеет и такая важнейшая часть человеческого бытия, как язык. Для Сергея Донбая это совершенно очевидно. Хотя бы потому, что “вначале было Слово”. Размышляя в стихотворении “Родной язык в нас снова растревожит...” о непреходящем значении родного языка, его связующей времена, эпохи и поколения роли, Сергей Донбай приходит к выводу, что “он был и есть, как Бог, без доказательств. / Родной язык — наш промысел живой”.

Что касается слова Божьего, то в стихотворении “Строчка из Библии” Донбай обращает наше внимание на регулярно повторяющуюся в Библии строчку “И сказал Господь, говоря”. В ней поэт увидел своего рода духовную константу, идущую из глубины тысячелетий и ориентирующую человека в пространстве Божьего бытия. В том числе, безусловно, и его, поэта Донбая, много сил положившего на духовное и эстетическое воспитание своей поэтической “паствы”. Что, кстати, не прошло мимо внимания РПЦ. Деятельность Сергея Донбая на духовно-поэтической ниве была отмечена архиерейской грамотой “В благословение за усердные труды во славу Святой Церкви”.

К Слово у Сергея Донбая вообще почтительное, трепетное и чрезвычайно ответственное отношение. Он и поэтом-то себя называть стесняется и в стихотворении “Непротивление” говорит: “Я был и остался рифмач — / Что взять-то — рифмач-рифмачом!” Справедливая самокритика? Нет, конечно же! Донбай, безусловно, настоящий поэт со своим голосом, почерком и лицом. И сам, полагаю, в том не сомневается и цену истинную себе знает. Только всуе не скажет, или спрячется за ироническое “рифмач-рифмачом”. И продолжит истовое служение Слово, пока остаются “на русском престоле Князь-Книга / И книжка-Княжна”.

В гуле социальных потрясений на переломе тысячелетий лирическая интонация в поэзии Сергея Донбая приглушилась, но не исчезла. Только стала, пожалуй, более глубокой, проникновенной и раздумчивой. И “все больше, больше по нутру” поэту не “слеза мгновения”, а “продолжительная нежность”, которая приходит с годами. В стихотворении “Всех мирит возраст мой нетрудно...” он пишет:

**Приходит возраст, как садовник,
И завязь розовых идей,
И мудрости сухой шиповник —
Ему одна другой милей.**

Сегодня Сергей Донбай и сам напоминает того мудрого садовника. Или же лирического персонажа более раннего стихотворения “Старик и мысль” (1978), где поэт восхищен тем, что “старик забирается мыслью так свободно и так высоко” и оттуда смотрит “зреньем созревшего поля”. Таким “зреньем” отличается и поэзия нынешнего Донбая.

Он по-прежнему немало размышляет о жизненных ценностях. Но, перебирая в стихотворении “Ничего надежней в жизни...” разные варианты, приходит к выводу, который может подсказать только опыт прожитых лет: “Ничего прекрасней жизни / В нашей жизни нет”.

Не изменяет себе Донбай и как “поэт обыденности”. Однако быт в его стихах все настойчивей прорастает в бытие, уходящее в высоты вечности, которая, в свою очередь, может обернуться к читателю хорошо узнаваемым земным образом — например, усталой женщины, спешащей в детсад за сыном (“Закончен день. Его усталость...”), или броской емкой метафорой типа “а жизнь как электричка мчится... / По нежной жилке над ключицей, / На стыках сердца грохоча”.

По-прежнему не откажешь Донбаю в космогонизме ощущений. Так, лирический герой стихотворения “В простейшей форме пирамид...”, пронизанного мыслью о неразрывной связи “живого с вечным”, чувствует себя так, словно он “включен в розетку Космоса большую”. А в стихотворении “В солнечном океане...” планета наша представлена “икринкой, / разумной каплей, / соринкой живой души!”

По-прежнему Сергей Донбай остается одним из ведущих литературных и культурных деятелей Кузбасса. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Сергей Лаврентьевич является лауреатом премий имени Александра Невского, имени Василия Федорова. И вот уже более трех десятилетий он у кормила журнала “Огни Кузбасса”, давно ставшего средоточием лучших писательских сил земли Кузнецкой.

Но главное, что, несмотря на груз прожитых лет (а в сентябре минувшего года ему исполнилось семьдесят), Сергей Донбай остается в поэтическом строю. Печатаются в литературной периодике его новые стихи, выходят книги — “Слезка” (2001), “Силица” (2006), “Мы нарисуем город словом” (2008), “Посредине России” (2011). В них поэт продолжает свои неустанные поиски “прекрасного образа человека”. И Бог ему в помощь!